

Мелодия оталённых крыльев

Позволь ему
подчиниться

Джулия Вольмут

Джулия Вольмут
Мелодия опаленных крыльев
Серия «Dark Romance. Обжигающая
любовь. Романы Джулии Вольмут»
Серия «Правила подчинения», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74257581

Мелодия опаленных крыльев:

ISBN 978-5-04-251615-3

Аннотация

Энджел носит перчатки даже в самый жаркий день. Нью-Йорк стал ее пристанищем после того, как она рискнула изменить свое будущее, покинув родной остров Лангкави. Теперь Энджел – Домина в закрытом клубе, где боль становится искусством, а контроль – единственной защитой.

Кристофер привык управлять чужими судьбами, но не своей. Музыкальный продюсер, потерявший вдохновение после личной трагедии, он ищет забвение в татуировках, случайных связях и физической боли. Все меняется, когда Кристофер слышит в баре пение экзотичной красавицы.

Он не узнает ее, она помнит все. Смогу ли опаленные крылья вознести героев к небесам или мелодия их сердец никогда не

будет звучать в унисон? И возможно ли полюбить того, кто разрушил твою жизнь?

Содержание

Дисклеймер	6
Плейлист	7
Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Джулия Вольмут

Мелодия

опаленных крыльев

© Вольмут Д., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Дисклеймер

Присутствует тематика БДСМ.

Действия происходят после событий, описанных в книгах «Искупление страстью» и «Пламя в цепях». Рекомендую познакомиться с предыдущими книгами цикла перед прочтением «Мелодии опаленных крыльев», чтобы избежать спойлеров. Но сюжетно истории не связаны, их можно читать отдельно.

В книге упоминается суицидальное поведение. Если вас это триггерит, читайте с осторожностью. Ваше ментальное здоровье важно.

Плейлист

Arash feat. Helena – Broken Angel

Arash feat. Helena – One Day

Norah Jones – Don't Know Why

Elliot James Reay – I Think They Call This Love

Murat Boz, Doğuř Çabakçor – Geri Dönüř Olsa Doğuř

Çabakçor (Remix)

The Weeknd, Lana Del Rey – Stargirl Interlude

Elena Tsagrinou – El Diablo

AlyX – Just Like A Pill (cover P!nk)

Damiano David – Zombie Lady

Berenika – Black Void of the Night

Faouzia – Hero

TIX – Fallen Angel

JamBeats – One Day (cover Arash feat. Helena)

Пролог

Энджел Тэу

«Ненавижу свадьбы» – такой вывод я сделала, когда возвращалась с чужого торжества. Никогда бы не подумала, что стану свидетелем бракосочетания в БДСМ-клубе. Владелец «Эль-Эль» решил провести церемонию среди близких по духу людей, а я... Я не могла не прийти. За четыре года в чужой стране мне встретились единомышленники: они находили утешение в доминировании и покорности, в боли и наслаждении.

Свадьба прошла скромно, всего десять гостей и священник. В Малайзии мы бы праздновали всей деревней не менее трех дней. Но Америка словно другая вселенная. Например, я до сих пор удивлялась открытости американцев. Это искусство требует огромной силы духа и, казалось бы, у Доминатрикс¹ есть внутренний стержень: не так-то просто добиться, чтобы мужчины падали на колени и просили пощады. Но мне легче заставить кого-то беспрекословно слушаться, чем позволить себе проявить чувства.

А если быть до конца честной, дело не только в традициях. Когда я увидела, что влюбленные произносят клятвы, за-

¹ Доминатрикс (Домина) – женщина, которая играет роль Верхнего партнера в БДСМ.

хотелось исчезнуть с земного шара. Обычно я ассоциировала дом с чем-то теплым: аромат специй из бистро, стук ливня по железным крышам, пестрая одежда мигрантов, фотографии лазурных берегов на рекламных вывесках. Многое в Нью-Йорке отсылало назад, в деревушку на острове Ланг-кави, где я родилась и выросла. Но иногда воспоминания отдавали горечью. Сегодня они нахлынули, утянули в пучину плохих мыслей, и я сбежала.

Остановилась спустя пару кварталов посреди вечернего Сохо², позволила ветерку остудить пылающие щеки, убрала от лица черные локоны и уперлась лопатками в кирпичную стену. Из-за выреза на спине платья защипали неглубокие царапины, но я едва чувствовала дискомфорт. Фантомная боль со мной так давно, что я привыкла, сроднилась с ней, и другие ощущения притупились, словно я под куполом. Выходила из него во время тематических сессий, причиняя боль кому-то другому.

Когда-нибудь и этого станет мало. Натянув перчатки так, что они впились между пальцев, я посмотрела на свои руки, до локтей обьятые плотной тканью. Обьятые тьмой.

² Сохо – район в Даунтауне, Манхэттен, Нью-Йорк.

Глава 1

Энджел Тэу

Спустя полчаса я приехала в Бушвик³. Там, среди бывших строительных фабрик, аутентичных заведений и жилых домов, прятался бар «Чебурашка». Я жила на втором этаже, в двухкомнатной квартирке вместе с владельцем и работала у него официанткой.

В баре, как всегда, витал аромат специй и крафтового пива. Тускло горели лампочки: они оставляли блики на деревянной мебели, кожаных стульях и забавных мягких игрушках – что-то между медведем и крысой, те самые «чебурашки». Владелец протирал тряпкой бокалы, а заметив меня, помахал.

Яков Беркович – мигрант из России. Симпатичный темно-волосый парень тридцати лет. Когда Яше было пятнадцать, он попал в аварию и откусил себе язык. Яша остался немым, но это не мешало ему радоваться жизни: он носил с собой доску с мелом и всех желающих учил языку жестов. Да, в век технологий он мог легко общаться с помощью голосового помощника, но считал, что у электронных устройств нет души. Поэтому сейчас прищурил карие глаза и написал на доске:

³ Бушвик – район в северной части Бруклина, Нью-Йорк.

«Ты рано. Думал, свадьбы празднуют до утра».

– Нет. – Я кинула клатч на барную стойку. – Чтобы уйти, я сказала, что меня ждут на второй работе, а мой начальник тот еще питбуль.

Яков скривил губы – он сопровождал все реплики активной мимикой, будто пытался восполнить невозможность использовать интонации, – и одернул футболку, на которой были изображены волк, заяц и русская надпись. Ткань повисла на худых плечах, демонстрируя выпирающие ключицы. Яша – питбуль? Вряд ли! Он – джек-рассел-терьер. Такой же неугомонный.

«Энджел! – вывел он на доске. – Я надеялся, что ты вернешься со свадьбы с букетом».

– Значит, сходила зря, – огрызнулась в ответ.

И вмиг испытала укол вины: Яша потерял прибыль, ведь я взяла отгул, а моя сменщица не вернулась из отпуска. Но Яков не расстроился – он редко расстраивался и к моей колючести давно привык.

Единственное, что действительно раздражало Яшу, это поиски предметов. Вот и сейчас он недовольно мычал, гремел бутылками под барной стойкой, обыскивал свои карманы. Я огляделась и сразу нашла пропажу – ключи на барном стуле. Кинула их другу в руки.

«Спасибо, – ответил он на языке жестов. – Что бы я без тебя делал».

«Нет, – хотелось ответить мне, – что я бы делала без тебя».

Яков стал моим спасением в незнакомой стране. Такой же чужой, но ничуть не потерянный. Экстраверт по натуре, мой недостающий «ян». Благодаря Яше я получила жилье, работу и возможность снова петь, пусть и нечасто, когда Яша просил. До аварии он хотел стать музыкантом, и ему нравилось аккомпанировать мне на гитаре. Чем он занимался помимо бара, я не знала, и занимался ли вообще – «Чебурашка» приносил скромную прибыль, но Яков не стремился к богатству.

«Собираюсь к Саиду, идешь?»

Саид жил в Сохо, в общине турецких мигрантов. Не было желания возвращаться в район, из которого приехала, поэтому я покачала головой и указала на потолок.

– Пойду спать.

Яков ушел, а я поплелась в свою комнату. Не включая свет, сбросила обувь, избавилась от платья, легла на диван. Сдернув перчатки, провела пальцами по бугристой коже. *Испорченная*. В носу защипало, я сжала ладони в кулаки и спрятала их под одеяло. Много лет не жалела себя. Начинать не собираюсь.

У меня есть конкретная цель: стать дизайнером. Работа в баре и в БДСМ-клубе – это способ осуществить задуманное. Я не хотела вмешивать эмоции, а тем более чувства, я держала своих темных духов на привязи.

Но сколько бы себя ни обманывала, чужая свадьба вызвала не только воспоминания о пережитом кошмаре. Я думала о любви. О единственном человеке, который заставил мое

сердце биться чаще. Очень, очень давно.

Он сидит недалеко от сцены, за круглым столом, в типичном для туриста наряде: рубашка с пестрым узором из ближайшего сувенирного магазина и светлые шорты. Прикидываю: во время выступления смогу сосредоточиться на нем. Я всегда так делаю – выбираю объект, на который буду смотреть. Сегодня это одинокий мужчина с бокалом рома.

За двадцать лет жизни я не пробовала ничего крепкого, но для туристов закон не писан. Пляж Ченанг – их рай. Шумные бары, караоке-клубы, бордели – все вдоль морского берега. Я приезжаю на Ченанг с северной части острова и примеряю маску свободной девушки.

Возвращаюсь за кулисы. Внешний вид гостя закрепился в памяти: загорелая кожа, светло-русые волосы, высокий лоб, а брови – густые, широкие, отчего кажется, что он хмурится. Пронзительные темно-зеленые глаза – или карие? – оттенок смешан, будто в джунглях наступила ночь. Нос прямой, углы челюсти острые и покрыты щетиной, а губы...

– Азура, – окликает меня Фаррух, – ты готова?

...Губы приоткрыты и блестят от выпивки.

Я вздрагиваю, почему-то пристыженная.

– Конечно, брат.

Мы не родственники, но Фаррух – самый близкий мне человек.

Он сияет, предвкушая выступление, и взъерошивает гу-

стые черные кудри – его волосы всегда в беспорядке, словно он попал в ураган, а карие глаза полны огня.

Как-то Фаррух увидел меня на пляже. Я пела в вечерних сумерках под музыку из бара. Тогда я впервые сбежала из дома: поймала попутку и уехала в туристическую часть острова. В тот день я узнала, что моя жизнь мне не принадлежит. Я во власти долгов отца, а скоро буду и во власти будущего мужа, которого для меня активно подыскивали. Я не знала, что собиралась делать в незнакомом районе, и сейчас благодарна: на пути мне встретился Фаррух, а не пьяный турист или жестокий сутенер. Фаррух захлопал, когда я закончила петь, и спросил: «Ты понимаешь, что, если я позвоню твоим родителям, ты завтра же будешь замужем за первым встречным?» Я кивнула. Это неизбежно. В ответ он сказал: «Приходи в бар моего друга, там ты на пару часов сможешь быть собой».

Уже полгода мы исполняем песни. Я слишком люблю родителей, поэтому не сбегу, да и некуда бежать – не хочу становиться уличной девкой или быть использованной иностранцем. Родители позволяют мне немного вольности, пока я не выйду замуж, и верят, что я уезжаю продавать самодельные украшения из ракушек.

Но я провожу вечера в маленьком баре. Здесь не показывают футбол и не грохочет электронная музыка, а запах карри смешивается с ароматом кокосового молока и жареных бананов. Мне нравится интерьер: деревянные сто-

лы, картины с морскими пейзажами и ленты лампочек без люстр. Владелец – дедушка Ли. Когда-то он плавал в бескрайнем море, посетил Сингапур, Индонезию, Таиланд. Он знает, кто мы, и знает, что мы притворяемся свободными, но молчит, потому что верит – нам, в отличие от него, хватит смелости изменить свое будущее. Но... он обманывается.

Фаррух спешит на сцену, а я надеваю карие линзы, чтобы скрыть голубые глаза и перестать быть Азурой⁴. В деревне поговаривают, что после рождения меня похитили духи. Они изменили цвет моих глаз, даровали талант к пению и проклинали: трижды отец пытался выдать меня замуж, и каждый раз что-то шло не так. Скоро предстоит пятая попытка.

Не хочу думать о неизбежном. Вплетаю в черные волосы ярко-красный гибискус – символ Малайзии. Для меня цветок означает бунт. Слишком заметный цвет в мире, где жёнищинам не принято выделяться. Следом я подвожусь глаза, будто очерчиваю границу: там заканчивается послушная дочь и начинается своевольная жёнищина. Музыка дарует мне голос, которого у меня нет в обычной жизни.

Спешу на сцену, ищу незнакомца. Он все там же. В его бокале тает лед. Вокруг – иностранцы. Громкие, расслабленные. Мужчины флиртуют с официантками: многих девушек выгнали из дома, и они зарабатывают своим телом.

⁴ Азура переводится как «голубоглазая».

Парочки шепчутся. Я знаю, что, когда мы начнем петь, они пойдут танцевать. Женщины рассматривают меня как диковинку. Для меня также в новинку их глубокие декольте и яркие губы. Все эти люди кажутся чужими. Не потому, что говорят на других языках, и не потому, что белые. Они свободны. Им не нужно менять внешность, чтобы быть собой.

Включается минус. Я пою первый куплет, Фаррух – второй. Мы исполняем баллады, в то время как остальной квартал сходит с ума от веселья и вседозволенности. Выученные слова льются, а я продолжаю смотреть на незнакомца. Он тоже смотрит, и не так, как другие. Без похоти, без насмешки.

Вдруг он увезет меня? Если он скажет «пойдем», я брошу все и пойду? Нет. Отворачиваюсь. В его мире для меня нет места.

Я ни разу не влюблялась, но чувствую то, что никогда не испытывала, когда пою песни. Тоскую по несуществующему возлюбленному, словно падший ангел⁵, и верю, что однажды мы встретимся с моим любимым⁶. Фаррух играет на гитаре, а я танцую, неумело заигрывая с незнакомцем. Он помогает мне оставаться в моменте. Я разрываю зрительный контакт, чтобы спеть припев с Фаррухом: мы изображаем влюбленных так же искусно, как и свободных артистов.

⁵ Отсылка на песню Arash feat. Helena – «Broken Angel».

⁶ Отсылка на песню Arash feat. Helena – «One Day».

Вдруг к незнакомцу подходит блондинка. У нее острые черты, стрижка каре и длинное белое платье. Она тянет за собой двух мальчишек-сорванцов. Странно видеть детей в баре, но иностранцы не боятся, вдруг им кто-то навредит, – они ничего не боятся. Женищина садится рядом с моим незнакомцем и заводит беседу. Он отвечает, улыбается.

Хмурюсь – я действительно назвала незнакомца «моим»? Неясное чувство заставляет отступить, потеряться. Вечер, о котором я грезил, теперь пугает. Я хочу убежать. Не то чтобы я на что-то надеялась, но ощущаю себя глупо.

Последние аккорды стихают, парочки возвращаются на свои места, зрители хлопают, а я рада, будто спела для огромной деревни.

Туристы забывают о выступлении: разговаривают, смеются, прикуривают от свечей в форме лотоса и пьют, пьют, пьют.

Я кланяюсь, Фаррух уходит со сцены. Собираюсь последовать за ним, когда слышу низкий голос:

– Великолепное исполнение.

Обернувшись, замираю. Это он. Тот незнакомец. Стоит у сцены, и я убеждаюсь: его глаза зелено-карие. Загораживают. Спрыгнув на деревянный пол, улавливаю аромат одеколона – что-то терпкое, мужское. В горле пересыхает, а в легких заканчивается воздух, когда незнакомец запускает ладонь в карман шорт. Он достает бумажник, долго копается в банкнотах и наконец протягивает мне прямоуголь-

ную бумажку.

— Возьми визитку. Думаю, тебя ждет большое будущее.

Едва нахожу силы сделать вдох. Смотрю на визитку, словно незнакомец предлагает мне полет на Луну. Он теряется. Смущенно чешет затылок.

— Рианна была с маленького острова Барбадос...

— Вы считаете, я похожа на Рианну?

— Да, определенно что-то есть.

Нет. Мы разные: внешне, тембром голоса, репертуаром... да судьбой, в конце концов. Человеку, который разбирается в музыке, не пришло бы в голову сравнить нас. Но, может, он просто волнуется?

В подтверждение незнакомец неловко смеется.

Женщина в белом платье машет, привлекая его внимание, а дети нетерпеливо ерзают на стульях. Им скучно. Меня охватывает ярость: там твоя семья, придурок, но ты выбираешь флиртовать с девчонкой, которую никогда не увидишь снова? Стыскиваю зубы. Фактически он не флиртует. Большинство иностранцев в первые секунды знакомства пытаются меня облапать или делают непристойные предложения. Незнакомец же стоит на расстоянии и вежливо улыбается, но я вспыхиваю. Часть меня хочет, чтобы он подошел ближе. Мысли грозятся уйти в опасное направление, поэтому я хватаю визитку и говорю:

— Спасибо.

Он мешкает всего секунду, кивает и уходит к своему сто-

лику. Смотрю на визитку: «Кристофер Беннет. Музыкальный продюсер».

— Что там? — Фаррух подходит и пытается прочитать надпись на бумажном прямоугольнике. — Это кто? — указывает на Кристофера.

— Никто, — прячу белый прямоугольник в складках платья.

Впервые не хочу делиться с Фаррухом секретами.

Провожая Кристофера взглядом: он наклоняется к блондинке, целует ее в щеку, и семья уходит. Оборачиваются только дети, чтобы в последний раз посмотреть на непривычную обстановку. Для иностранцев мой мир — краткий эпизод, а для меня — единственная возможная реальность. Иного выхода нет: отец в долгах, и я должна спасти честь семьи, как примерная дочь. Тянуть с замужеством больше нельзя.

Визитка колет через тонкую ткань платья. Там, за океаном, все по-другому. Там я могла бы сама выбрать свое будущее, и я благодарна Кристоферу Беннету за те секунды, когда я грезю о другой судьбе, прежде чем возвращаюсь туда, где все предрешено.

Раздался грохот. Я проснулась и подскочила на диване — старые пружины врезались в спину. Прошипев ругательство, я перевернулась на живот. Куда я попала? Воздух сухой, дымный, уличный фонарь бьет по глазам, а вдалеке шу-

мит город. Нью-Йорк, точно.

Внизу раздалось мычание. Пьяный Яша не вписался в поворот и ударился о барную стойку. Это же его бар! Он все проектировал сам! Но в номинации «человек с самым большим топографическим кренинизмом» Яков занял бы первое место. Я фыркнула и снова попыталась заснуть.

Кем бы ни был Кристофер Беннет, он изменил мою жизнь. Интересно, где он сейчас? Мне впервые захотелось вбить его имя в поиск. Я взяла телефон. Повертела. Отложила.

Мы никогда не встретимся снова, зачем беречь старые раны. Достаточно тех ран, что каждый день скрывались за тканью перчаток.

Глава 2

Энджел Тэу

«Никогда не говори никогда» – фраза, которой оправдывают любые совпадения, но в моем случае она означала конец спокойствию. На следующий день, под самое закрытие бара, я вновь столкнулась с прожигающими зелено-кариими глазами. Но начну по порядку.

Я опять ни черта не выпалась.

– Когда-нибудь, клянусь, испробую на тебе что-то болезненное и кровавое из своего арсенала Домины, – сказала я вместо приветствия, зевая у барной стойки. – Ты опять меня разбудил!

Яша вынес из кухни два омлета и напитки. На секунду замер, протянул мне поднос и беспечно пожал плечами. Что оставалось? Забрать тарелку. Задобрил, сволочь.

Нам нравилось завтракать в баре: через окна мы наблюдали, как просыпается Бушвик. Открывались соседние лавки, на работу спешили клерки, а дети играли на улицах, радуясь жаркому лету.

Яша сел рядом и ответил на языке жестов:

«Применять практики без контракта – против правил».

– Знаю. – Я медленно разрезала яйцо. – И не собираюсь портить такую милую мордашку, – добавила я, потрепав

Якова за щеку.

Друг послал мне убийственный взгляд и отпил из кружки американо. Все еще смеясь, я сделала глоток латте с кокосовым молоком – вкус напоминал малайзийский чай Тех-тарих⁷. Однажды я приготовила чай Яше, но друг выплюнул напиток – не фанат сладкого, бывает.

Яков единственный из родственников откликнулся на просьбу умирающего дедушки и провел со стариком последние годы жизни. В благодарность тот оставил Яше квартиру и бар. Управлять заведением оказалось несложно, предпринимательская жилка у Берковича в крови. Помимо бизнеса, Яша любил тусоваться в Сохо с другими мигрантами, проводил часы за ноутбуком и брэнчал на гитаре, но, несмотря на болтливость, о себе говорил мало. Возможно, его устраивала скромная прибыль «Чебурашки». Никогда не пойму подобную беззаботность. Мне чуждо подобное. Я контролирую каждый аспект своей жизни, поэтому БДСМ-сфера создана для меня. О Теме я узнала тоже благодаря Яше.

Ночной Бушвик напоминает старый электроприбор: гудят трубы переделанных в художественные мастерские заводов, потрескивают фонарные столбы, слышится лязг цепей на закрытых магазинах, и мои каблукы стучат по неровному асфальту.

Завернув за угол, иду по узкой дороге. Дома выглядят

⁷ Тех-тарих состоит из заваренного черного чая, сгущенного молока и сливок.

огромными, и я ускоряю шаг. Кутаюсь в куртку – после жаркой Малайзии трудно привыкнуть к американскому климату.

Центр помощи беженцам определил меня в рыбный ресторан, там я мою посуду и, меняя перчатки на резиновые, вынуждена оголять руки. В ушах до сих пор звучат перешептывания сотрудников, а начальник, недовольный мексиканец, вечно ворчит и ругается. Из-за акцента я его едва понимаю. Мой акцент также ужасен, руки уродливы, а внешность экзотична – наверное, по какой-то из этих причин меня сторонятся другие работники. Благо я не из тех, кому нужны друзья.

Родные не знают о моей судьбе, они уверены, что на большой земле я могу заработать денег и помочь им, раз стала «непригодной» для женитьбы. Но зарплаты едва хватает на свои нужды, а комната в общежитии предоставлена мне всего на полгода – достаточно, чтобы беженец смог укрепиться в стране или покинуть ее в случае неудачи.

Размышляя о трудностях, не замечаю, как прохожу поворот. Нью-Йорк напоминает лабиринт из тысячи улиц, и даже маленькие районы вызывают дезориентацию.

Вдалеке слышится мужской вопль.

Замираю. Прислушиваюсь. Мотаю головой. Нет, Энджел, забудь. Тебе хватает проблем. Но ноги не слушаются. Когда-то я просила о помощи, и никто мне не помог. Стиснув руки в кулаки, иду на звук.

В тупике, среди мусорных баков, под светом тусклого, мигающего фонаря, вижу троих: двое коренастых мужчин избивают щуплого парня. Его лицо прижато к кирпичной кладке. Один держит за волосы, второй – бьет по ребрам. Крик несчастного обрывается: теперь это стон. Тихий, отчаянный. Зубы стиснуты. Он не может сопротивляться, он слабее физически, но я вижу, как горят его темные глаза. Он не покорен в безвыходной ситуации – это восхищает.

– Эй!

– Чего надо, красотка? – Один из амбалов поворачивается. Он выше меня головы на две, лысый, и от него так волнует алкоголем, что даже отсюда чувствую едкий запах. Оскальчивается: – Хочешь проблем?

Не отвечаю – смысл? Делаю шаг. Еще один. И еще. Прежде чем передумать или хотя бы подумать, снимаю перчатки, чтобы спрятать их в карман, вскидываю правую руку и ударяю мужчину в челюсть. Его голова кренился вбок, изо рта брызжет кровь.

Амбалы отпускают несчастного. Краем глаза вижу: он заваливается на бок, жадно хватая ртом воздух. В последнюю секунду успеваю увернуться от кулака. Бью второго в солнечное сплетение. Он кашляет, отступает. Переглядывается с первым.

Они не ожидали сопротивления, оба меня недооценили.

Моя внешность обманчива – невысокий рост, стройная фигура, – а тело сильное: всю жизнь я помогала родителям

по хозяйству. Люди – не звери, но хулиганы мало отличаются от скота.

Поэтому мне совершенно их не жаль. Они пьяны и не оказывают сильного сопротивления. Им удастся встать на ноги, и они, спотыкаясь, убегают в темноту.

Секунду восстанавливаю дыхание. Мне нравится, как сейчас я себя чувствую. Героем. Победителем. Нагибаюсь и протягиваю руку избитому парню. Он смотрит, выпучив глаза. Спустя мгновение понимаю – я сняла перчатки, и он видит мои руки. Эти... шрамы. Лицо обдает горячей волной. Хочу спрятать ладони за спину, но парень крепко хватается за мое запястье. Вздрагивая, встает и... целует мою руку. На пальцах остаются кровавые разводы. Быстро моргаю – ему не противно? Парень отворачивается, ковыляет в сторону двухэтажного здания. Машет мне, чтобы я шла следом. Странный. Я заинтригована.

Мы останавливаемся у бара «Чебурашка». Глупое, непонятное название. Парень отпирает дверь, заходит внутрь и нажимает на выключатель. Первый этаж заливают теплым светом, и я вижу деревянную барную стойку, столы, стулья, небольшую сцену на возвышении. По углам висят странные медведи с большими ушами, а на стенах – плакаты с непонятными надписями.

– Ты понимаешь по-английски?

Кивает в ответ. Наблюдаю, как он ныряет под барную стойку. Когда выпрямляется, то держит бутылку виски

и два бокала. Наполняет их до середины, один толкает в мою сторону, второй сжимает в ладони. Да, после такого необходимо выпить. К тому же я замерзла.

Присев на барный стул, тянусь к алкоголю, но останавливаю себя. Вдруг это уловка? Вдруг он заодно с хулиганами?

– Не пью. Как тебя зовут?

Вместо ответа он залпом выпивает алкоголь и слегка морщится. Смотрю на него: совсем молодой, на вид не больше двадцати пяти. Бледный, глаза глубоко посаженные. Не хочется верить, что он злодей. Ему не пойдет эта роль. Парень опять нагибается под барную стойку, что-то берет и, доковыляв до стула, садится рядом со мной. Замечаю в его руках прямоугольную доску с мелом на веревке. Отбросив темные пряди со лба, парень пишет:

«Спасибо за спасение моей задницы».

– Красивое имя, – подишучиваю, чтобы скрыть нервозность. – За что они так с тобой?

Парень опять обращается к доске:

«Писал же им, что настойка на клюкве кислая. Не поверили!»

Выгибаю бровь.

– Они избили тебя из-за настойки?

Кивает.

«Мир полон насилия, – написал мои мысли. – Иногда проще присоединиться к веселью».

– Что...

«Я видел, как ты посмотрела на меня в первые секунды. Тебе понравилось, что я держался, терпел. И то, как ты поступила с ними, – тебе понравилось еще сильнее».

Неправда. Я сделала это, потому что они заслужили.

Пытаясь оправдаться, говорю:

– Они плохие люди.

«Согласен. Но тебе нужно принять свою темную сторону, пока не случилась беда. – Стирает и пишет продолжение: – Не хотелось бы, чтобы с тобой случилось что-то плохое. Я могу помочь обуздать демонов».

Содрогнувшись, отворачиваюсь. Демоны. Злые духи. В Малайзии ими пугают с детства. Не ходи на речку – утащат. Не говори с незнакомцами – украдут. Не смотри на мужчин – среди них может прятаться монстр.

Но вдруг монстр – это я?

Парень стучит пальцами по барной стойке и пишет на доске:

«Меня зовут Яша. Не волнуйся. Придумаем, что делать с твоей проблемой».

– Спасибо, – встаю, чтобы уйти. В голове барабанил кровь, словно я и правда открыла в себе что-то темное, а Яша подсветил это. Без осуждения, как факт, который я долго не признавала.

Он касается моего плеча. Повернувшись, читаю:

«Могу я узнать имя спасительницы?»

– Аз... Энджел.

Если и заметил заминку, то не подал виду.

«Что ты ищешь, Энджел?»

– Работу, – касаюсь переносицы. – Забудь. Мне пора.

Я не доверяю людям, особенно в чужой стране, особенно мужчинам, но Яша... уверена, смогу надрать ему зад. Но меньше всего хочу, чтобы им руководило чувство долга. Спастись было моим решением.

– Ты и так обещал помочь с проблемой, – хмурюсь. Нет у меня никаких проблем. Вскидываю подбородок: – Не за что. Постарайся больше не попадать в передраги.

Он быстро пишет на доске:

«Останься. Я владею этим баром. Мне нужна официантка, а ты к тому же неплохой вышибала».

Секунду колеблюсь и понимаю, что он шутит. Коротко смеюсь.

Яша стонет, высказывая недовольство, и пишет снова:

«Я серьезно. Если нужно жилье, над баром есть квартира – вторая комната пустует».

Соблазн переехать из хостела чертовски велик.

– Не хочу стеснять...

«Пустует! Такая смелая и такая скромная. Откуда ты взялась?»

С другого конца земного шара.

Смотрю на бугристую кожу, сжимаю пальцы в кулаки. На время своеобразной беседы я забыла об увечье, а Яша ни разу не посмотрел на меня с жалостью. Он понимает, ка-

ково это – отличаться от других.

Предпринимаю финальную попытку его отпугнуть:

– Ты меня не боишься? Вдруг я хуже тех громил? Даже позвать на помощь не сможешь.

«Честь погибнуть от рук богини».

– Ты не в моем вкусе, – сразу подчеркиваю между нами границу.

Яша улыбается и резко шипит от боли. Синяки на его лице багровеют. Пока он тянется за аптечкой, я читаю на доске ответ:

«Визу тебя рядом с брутальным богатым красавчиком».

В памяти на краткий миг всплывает образ русоволосого незнакомца за столиком в малайзийском баре, но я отгоняю наваждение.

– Показывай комнату.

Яша вскакивает и ведет меня вверх по лестнице.

В его глазах нет жалости, но есть благодарность. Отчего-то я ему верю. Он первый, кто принял меня в новом мире, и будто подтверждая мои слова, Яша открывает дверь и протягивает свою доску. Я читаю слова:

«Добро пожаловать домой, Энджел».

К глазам подступают слезы.

Теперь у меня есть дом.

Яша коснулся моей ладони.

«О чем задумалась?»

– Вспомнила начало нашей дружбы.

«Дружбы? – слово на доске получилось едва разборчивым, Яков торопился. Он быстро дописал: – *Четыре года поддержки и обожания, и ты называешь меня своим другом? Какая честь!*»

Я закатила глаза.

Конечно, он был моим другом. Но долгое время раны на душе не позволяли сказать это вслух. Казалось, если я признаюсь, что Яша мне дорог, то стану уязвима для удара в спину. Так произошло давным-давно, на острове Лангкави.

– После предательства мне трудно доверять, но ты не оставил выбора. – Я вытянула руку, чтобы взъерошить темные волосы Якова. – Спасибо, что вернул мне веру в людей.

Но не в мужчин. Эту фразу я оставила при себе.

Яша увернулся от моей руки, беспокоясь за «идеальный» творческий беспорядок на макушке, и сказал на языке жестов:

«Что сделал твой друг?»

– Ничего особенного.

«Расскажи. Мы же друзья», – напомнил Яша.

Он теперь всегда будет использовать этот аргумент?!

– Иностранец подарил мне визитку, и Фаррух испугался, что я уеду. Этого бы не случилось, но... – я облизала губы, выигрывая время. Истинный мотив гнусного поступка узнать не удалось, Фаррух ничего не сообщил, прежде чем

сбежать в Куала-Лумпур⁸, и хотелось верить в его боязнь остаться брошенным, чем в корысть или зависть. – Надо было выкинуть ту визитку. Я идиотка...

«Ты ни в чем не виновата, Энджел, – по рваному почерку я поняла, что Яков злился. – Порой люди не заслуживают наших страданий. Что именно Фаррух сделал? Наведем на него порчу?»

Я коротко рассмеялась и покачала головой.

– Не надо. – Для человека, который живет в современном мире, я оставалась слишком суеверной. На секунду задумалась, стоит ли продолжать, и слова полились из глубин души: – Фаррух рассказал о визитке моему жениху, и тот... ну... – Я погладила свою ладонь. Фантомное покалывание рябью прошло по коже. – Забудь. Я не та девчонка с острова.

«Ты ангел со стальными крыльями», – поправил Яков.

Смех вырвался из моей груди, заполняя душу теплом. Но этого недостаточно. Ничего не будет достаточно, чтобы удалось забыть.

«И я тоже считаю тебя моим другом», – добавил он.

Я испытывала искреннюю благодарность к Якову Берковичу за возможность жить в его квартире, работать в его баре и петь для его гостей. Он также помог мне принять мою темную сторону, он узнал меня такой, какая я есть. Казалось бы, самое время поставить точку и не думать о прошлом, но,

⁸ Куала-Лумпур (англ. Kuala Lumpur) – столица Малайзии.

вспомнив Кристофера Беннета, я спутала судьбе все карты.
Говорю же. Я слишком суеверная.

Глава 3

Энджел Тэу

Музыка была моей отдушиной после тяжелой работы по хозяйству, способом сбежать от семейных ссор, барьером от давления родных и щитом от сплетен соседей. Я убегала далеко в джунгли. Меня слышали дикие звери и горный водопад, он также скрывал мой голос. «Проклятый», – судачили местные. «Голос, дарованный богиней», – уверяла бабушка.

Бабушка... Она не захотела покинуть Лангкави, и на другом конце света пение напоминало о связи между нами. Я старалась не думать, что музыка стала причиной, из-за которой моя жизнь разрушилась, а руки были изуродованы. В конце концов, трагедия могла случиться из-за чего-то другого. Я видела, как некоторые мужья обращаются с женами: бьют за любую провинность и уродуют за меньшие «проступки». Что было бы со мной – с единственной дочерью, отданной за долги? Меня бы заперли в золотую клетку, и я бы покорила, как отец всегда пророчил. Так что... возможно, я заплатила не самую высокую цену?

Я благодарила Всевышнего за второй шанс, но бывали дни, когда на меня накатывала усталость. Не физическая, нет, – я привыкла много работать, – а усталость от контроля.

Джон Голдман дал мне постоянную работу – помимо сес-

сий с клиентами, я проводила мастер-классы для новичков. «Эль-Эль» отличался от других заведений тем, что кроме игровых комнат, в БДСМ-клубе были классы, как в университете. Я помогала Джону объяснять основы садомазо отношений: он преподавал для мужчин, я – для женщин. Ко мне приходили излишне самоуверенные или пугливые тематики, но спустя время я испытывала гордость: они становились профессиональными Доминатрикс, владели собой и арсеналом инструментов.

Сегодня, когда я закончила мастер-класс, то отклонила приглашение Джона отметить 4 июля. Американцы праздновали День независимости, и управляющий клубом позвал меня на барбекю в компании других сотрудников «Эль-Эль». Отмечать чужой праздник казалось... лицемерным. Я жила в США несколько лет, но все равно не могла назвать эту страну «своей» и не поняла бы, если бы Джон и его друзья вдруг закатили бы вечеринку в честь Хари-Мердека⁹. К тому же я до сих пор считала себя немного самозванкой. Тематики жили практиками, в то время как я примеряла образ Домины словно карнавальный костюм.

Я поднялась в свою комнату: квадратное окно, светлые обои, ловец снов над скрипучим диваном, благовония на тумбочке. В углу старый синтезатор (Яша купил инструмент на барахолке в прошлое Рождество), а на письменном столе эскизы и черновики. Надо бы прибраться...

⁹ День независимости в Малайзии, отмечается 31 августа.

Но душа звала на сцену. Собрав волосы в хвост, я переделалась в свободные коричневые брюки и белую футболку, надела кроссовки, а из шкафа взяла черные перчатки.

Спускаясь в бар, я представляла вечер. Разговоры посетителей, звон бокалов, чужой смех – будто я опять в Лангкави, готовлюсь к выступлению. Внизу оказалось непривычно тихо: мало кто отказался от барбекю и салютов, чтобы провести вечер на окраине Бушвика. Только двое завсегдатаев играли в карты за дальним столом.

Меня окутал теплый свет ламп и тихая фоновая музыка. За барной стойкой я заметила Яшу: он отмечал галочками алкоголь с последней закупки. Друг поймал мой взгляд, без слов прочитал просьбу и пошел вместе со мной на сцену. Взял гитару, надел на шею ремень, провел пальцами по струнам... Внутри меня заискрилось предвкушение. Я отрегулировала микрофон и закрыла глаза.

Выбор пал на восточную композицию – с Фаррухом мы исполняли «Broken Angel»¹⁰ в тот день, когда Кристофер Беннет дал мне визитку. И я старалась игнорировать ноющую боль в груди – так давала о себе знать ностальгия: по Малайзии, по другу-предателю, по мимолетной влюбленности... Голос дрогнул, но я, не поднимая веки, завершила куплет, начала припев. Тембр стал более плавным, за годы тренировок я научилась контролировать лирическое сопрано. Но внутри кричала наивность, которую, казалось бы, я давно

¹⁰ Arash feat. Helena – «Broken Angel».

искоренила. Возможно, пение получилось неровным и слишком эмоциональным.

Последний гитарный аккорд был сыгран. Я открыла глаза и повернулась, чтобы спросить, откуда Яков знает мелодию. – Ты слышал эту песню ранее?

«Да, в России она была популярна», – сказал он на языке жестов.

Вдруг раздались аплодисменты: гулкие, пронзающие, будто в небе взорвались салюты. Я посмотрела в сторону завсегдатаев – они спорили и словно не обратили на мое выступление никакого внимания, – а в другой стороне...

Кристофер Беннет. Он облокотился на деревянную барную стойку и глядел так же пронзительно, как и много лет назад. Видел меня насквозь.

Я отвернулась, хватая ртом воздух. Эти глаза... ночь в джунглях. Не перепутать. Не забыть. Я быстро моргала, пытаюсь понять, не привиделось ли мне. Увы, нет. Периферийным зрением увидела: Яша помахал гостю, и Кристофер ответил сдержанным кивком. Яша убрал гитару в чехол и спустился к барной стойке, а я подавила желание обернуться. Плевать, узнал ли меня Кристофер, или случайно забрел в Бушвик. Он – причина, по которой все рассыпалось в прах. И он... вернулся.

Кровь гремела в ушах, заглушая остальные звуки. Меня утянуло под воду, и я вынырнула, когда заметила движение: Кристофер сделал шаг к сцене. Ко мне. Нет. Нет-нет-нет!

Я ринулась прочь. Едва не споткнулась на ступенях, а заметив дверь в подсобку, спряталась внутри. Мной руководили инстинкты, никакой логики.

– Талантливое выступление, – донесся из зала хрипловатый голос. – Как зовут эту девушку?

Я не смогла бы услышать ответ Якова, но все равно захлопнула дверь и закрыла уши, чтобы точно остаться в тишине. Мозг играет со мной. Я сплю. В бреду. В безумии. Пять лет назад Кристофер Беннет сказал: «великолепное исполнение», сегодня – «талантливое выступление». Он издевается?

Бабушка говорила: «Наши желания притягивают возможности», но...

Закончить мысль я не успела. Дверь распахнулась. Щелкнул выключатель. Я заморгала, привыкая к яркому свету. Среди коробок, старых тряпок и щеток увидела Яшу. Он нетерпеливо написал на доске:

«Куда ты делаешь? Тот парень спрашивал...»

– Выпроводи его, – тихо попросила. Словно Кристофер мог распознать мой шепот сквозь бетонную стену. Яков озадаченно нахмурился, тогда я взмолилась: – Пожалуйста! Я не хочу его видеть.

«Он обидел тебя?» – Яша нахмурился сильнее.

– Не обидел, но...

Как объяснить то, что сама не понимаю? Эмоции одержали верх над разумом, а встреча с Кристофером разбила ил-

люзию, будто я контролирую свою жизнь.

На мое молчание Яков улыбнулся. Он всегда полузастенчиво улыбался, когда что-то замышлял, и если обычно я подоброму закатывала глаза, то сейчас напряглась и вжалась в стену. Что-то острое кололо под ребрами, когда Яша выводил мелом слова:

«Раз все в порядке, хватит прятаться. Кстати, завсегда таи ушли, а значит, нужно протереть столы. Или ты хочешь штраф?»

Яков дождался, когда я все прочитаю, и покинул подсобку, оставив меня наедине с безысходностью. Чертов шантажист!

Я впилась ногтями в ладони сквозь ткань перчаток, но физическая боль не отвлекала, лишь напомнила, что вся моя жизнь – либо побег, либо противостояние. Какого черта Кристофер Беннет имеет власть над моим разумом? Я никому не позволяла подобного.

И не позволю.

С воинственным настроем я открыла дверь, но выглянула в зал уже не так уверенно. Есть же шанс, что Кристофер ушел?

Черта с два. Он сидел на барном стуле, спиной ко мне. Я тихо выругалась, проглотив желание уйти, и решила: если все сделаю тихо, он не заметит моего присутствия. Вряд ли Беннет заинтересован мной как музыкальный продюсер – пела я неважно. Других причин... – сердце взволнованно

дрогнуло, но я осадила себя, – других причин ждать чудакоскую официантку у него нет.

В Лангкави Кристофер казался человеком из другого мира или киногероем, но сейчас был обычным мужчиной. И, вероятнее всего, не вспомнил один из вечеров на знойном курорте.

Но я отметила изменения.

Волнистые волосы стали на пару тонов светлее, будто выгорели на солнце. Возможно, он приехал из очередного отпуска. Фигура скрыта за мешковатой кожаной курткой, но Кристофер виделся худее, чем я помнила. Он повел лопатками – ощутил мой взгляд? – снял куртку, повесил на стул. Плечи в белой футболке такие же широкие, но я помнила Кристофера Беннета другим: плотное телосложение, небольшой живот, а сейчас он поджарый и спортивный, словно часами не вылезает из спортзала. И что это на бицепсе? Татуировка? Аккуратно лавируя вдоль столов, я дошла до барной стойки и невзначай взглянула на его руку. Татуировка оказалась небольшой: черные языки пламени выглядывали из рукава футболки. Я посмотрела ниже: светлые волоски, выпирающие вены, кожаный браслет на левом запястье, а пальцы... безымянный без кольца.

– Начал новую жизнь, – пробормотала я, собирая посуду.

– Что-то вроде того, – ответил Кристофер, занятый поисками бумажника, или ключей, или телефона – он ударял по карманам куртки и не смотрел на меня, пока я бесстыдно его

разглядывала.

На лице точки от пирсинга – под бровью и под губой. Две сережки в правом ухе, а по шее, вниз, тянулась татуировка – вся из острых линий, словно шипы или колючая проволока. На щеках раньше была борода, а сейчас впалые скулы покрывала легкая щетина. Я склонила голову. Что с ним? Кризис среднего возраста? В Малайзии он напоминал счастливого семьянина, в Америке – походил на разочарованного в жизни рокера.

– Куда ушел бармен? – проворчал Кристофер и достал бумажник – вот что он искал в куртке. – Позовете? – обернулся, прибил взглядом к полу.

Я растерялась и едва не выронила посуду.

Кристофер смотрел заинтересованно, как мужчина на женщину. Ни на секунду в его глазах не мелькнуло узнавание. Чего и следовало ожидать. Интересно, скольким девушкам он предлагал «продюсирование»? И сколько из них с ним переспали? Щеки вспыхнули от непристойных мыслей. Какая разница? Секс меня не интересовал. Даже несмотря на вторую, раскрепощенную работу, я всегда уходила ни с чем. Таково мое правило.

– Мы закрываемся, – ответила я. – Технически мы уже закрыты.

– Извините за неудобства... Черт, нет. Я не буду извиняться за то, что слышал пение ангела. – Он нагло вскинул бровь, а я подавилась воздухом. – Ты скрасила мой дерьмовый ве-

чер.

Он развелся, прежде чем флиртовать? На пальце не было кольца, но это ничего не значит, верно? Я раздраженно фыркнула. Кристофер не виноват в моих проблемах, но все равно хотелось выместить на нем злость. Выберу похожего саба¹¹: светловолосого, с легкой щетиной и небольшой горбинкой на носу, красивыми глазами и телом греческого бога...

– Мисс? Как тебя зовут? – Кристофер приподнял брови, и на его лбу образовалась морщинка, выдавая истинный возраст, – давно за тридцать.

– Меня зовут «не интересует», – ответила я без особых сантиментов.

Хлопнула дверь, из подсобки вернулся Яков. Надеюсь, он поможет выпроводить гостя – мы действительно закрылись.

Яша выжидающе рассматривал Кристофера, и я сказала:

– Мистер «глупые вопросы» уже уходит, – вместе со словами выдавила улыбку: по словам Яши, когда я улыбаюсь *неискренне*, то отпугиваю мужчин в радиусе ста миль. Пусть и сегодня это сработает.

Но Кристофер непробиваем.

– Я бы выпил, – отозвался он и обратился к Яше: – Виски. Чистый, двойной.

Яша достал из-под барной стойки бутылку «Jack Daniel's» и светло-зеленый напиток в высоком стакане.

¹¹ Сабмиссив (саб) – нижний партнер в БДСМ.

– Что это? – удивился Беннет.

– Матча с персиком, – проворчала я, испепеляя друга взглядом. Яша протянул мне матчу, а для гостя наполнил бокал янтарной жидкостью, и я прокомментировала: – Виски.

Яша добавил на языке жестов: «*Оставлю вас*», – и загадочно подмигнул.

– Надеюсь, он не наводит на меня порчу, – усмехнулся Кристофер.

Повернувшись, я залюбовалась его улыбкой – слегка кривоватой и чертовски красивой улыбкой, – но поспешила взять себя в руки. Нечего пялиться на мужчину, который так нагло, так обаятельно мне улыбается!

– Что он сказал? – не унимался Кристофер.

Я посмотрела на друга: он уже сообщил мне новую информацию.

– Яков сказал, что ты забавный, а еще, что он немой, а не глухой, и считает неприличным обсуждать человека в его присутствии.

– Твою ж, – Кристофер медленно ответил: – Прос-ти-те.

Яша покрутил пальцами в воздухе, со стороны он действительно походил на волшебника, создающего заклинание.

– Ты опять не попал. Он говорит, что немой, а не умственно отсталый, и ты похож на осла.

Кристофер издал виноватый смешок. Его загорелые щеки стали пунцовыми.

– Ладно, про осла я от себя добавила.

Наши взгляды встретились, и я ощутила дрожь по позвоночнику. Хотела уколоть шуткой, но игривый тон поразительно напоминал флирт. Воздух между нами сгустился. Мое лицо вспыхнуло. Я смогла отвернуться от собеседника, когда услышала хлопок закрытой двери.

Яков ушел на кухню. Предатель.

– Матча с персиком? – спросил Кристофер, прочистив горло. – В баре?

И в какой момент люди перестанут удивляться, что не все поклонники крепких алкогольных напитков? Ладно, американцы всех судят по себе: когда я говорю, что не люблю куриные крылышки и картошку фри, их хватает удар.

Кристофер терпеливо ждал ответ, и я бросила:

– Не пью алкоголь.

– О, – смутился, – а чтобы разогреть связки?

– Нет.

– Чтобы позволить себе глупости? – Он шутливо коснулся моей ладони. Я вздрогнула, а Кристофер замер. – Извини. – Он сделал глоток виски. – Неудачная шутка.

– Весьма неудачная, – согласилась я и втянула матчу через трубочку.

Периковый сироп сделал напиток слаще, убрал травянистость, добавил экзотические ноты – все, как я люблю.

– Почему красивая девушка проводит вечер в одиночестве?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.